



ИСТОРИЯ РОССИИ



Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2017), 103–121
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2017), 103–121
©Автор(ы) 2017

САКРАЛЬНОЕ В ЦАРСКОМ КОННОМ ВЫЕЗДЕ: НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОЗДНЕГО РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Б.Л. Шапиро

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
b.shapiro@mail.ru*

Аннотация. В работе выявляются основные принципы конструирования сакрального пространства в русской придворной культуре посредством изучения истории роли лошади – одного из наиболее мифологизированных животных в русской культуре. В этом контексте анализируются произведения иностранцев, побывавших в Московском государстве в XVI–XVII вв.: как уже широко изученные в отечественной науке записки С. Герберштейна, А. Олеария, Ж. Маржерета, Г. Штадена, А. Дженкинсона, Б. Койэтта, так и менее известные труды А. Лизека, А. Элассонского, М. Обуховича, М. Груневега, Ч. Карлейля, В. Парри, П. Кампани и других авторов. Воспоминания дипломатов, путешественников и коммерсантов рассматриваются как уникальные источники по истории государственного церемониала русского позднего средневековья, наполненные красочными деталями. Как яркое культурное явление рассматриваются конные выезды, которые именно в это время были наиболее торжественными. Определяется круг выездов, наиболее характерный для придворной культуры этого периода. Акцент в исследовании делается на наиболее торжественных конных церемониях: на выездах царицы и на паломнических семейных выездах. Среди них подробно исследуются обязательные ежегодные выезды в Троице-Сергиев монастырь. Анализируется значимость прочих выездов для оформления сакрального пространства в русской придворной культуре, в частности, «шествия на осляти» и выезда на водокрещение. В заключение рассматривается специфика ритуального выбора масти животных в соответствии с пониманием в русской культуре взаимосвязи света и святости. Подводятся итоги работы, согласно которым в Московии позднего средневековья конь входил в круг средств, активно формирующих сакральное пространство.

Шапиро Элла Львовна – кандидат исторических наук, доцент РГГУ.

© IA RAS, NMSTU, JHPCS, 2017 | DOI 10.18503/1992–0431-2017-2-56–103-121

Ключевые слова: русская культура, сакральное, ритуал, церемониал, Московское государство

Введение

Записки иностранцев о Московии XVI–XVII вв. заслуженно считаются значимой частью нарративных источников по истории позднего русского средневековья. Богатый событийный ряд и внимание к деталям, характерные для этих многочисленных «записок», традиционно вызывают большой исследовательский интерес, помещая их на одно из первых мест в изучении русского средневековья. Массовость подобных материалов позволяет проследить как общие, так и частные случаи истории. Важно, что в этих источниках на широком фоне отмечаются самые существенные и особенные детали русской культуры. «Мы проехали между рядами тихим шагом, чтобы все раздельно видеть, заметить и надивиться», – объясняет секретарь австрийского посольства А. Лизек¹.

Затрудняющим интерпретацию этой группы источников является то, что оценки, данные зарубежными очевидцами (посланниками, путешественниками, купцами и т.д.), зачастую были обусловлены поставленными перед ними задачами и, следовательно, далеко не всегда достоверны, а сделанные выводы в некоторых случаях поверхностны. Тем не менее интересна возможность увидеть свою историю через призму чужого суждения.

Значимой частью парадной и повседневной жизни Московского государства XVI–XVII вв. был придворный церемониал, который в это время был уже довольно строго регламентирован. Практически каждый из иностранцев, побывавший при русском дворе, предлагает подробные описания этих ярких моментов придворной жизни. Торжественные процессии с участием лошади были одними из наиболее эффектных зрелищ. «Мы ждали увидеть что-нибудь необыкновенное, и не обманулись, – сообщает А. Лизек, очевидец выезда Алексея Михайловича на богомолье, – следующий поезд привел нас в изумление. Впереди ехал Конюший <...> за ним вели 6 превосходных коней, на которых вся сбруя и попоны горели в золоте и серебре; 12 лошадей из-под Царской кареты, покрытых красным штофом, вели каждую по два конюха под уздцы, одну за другой. Наконец ехала второстепенная карета Его Царского Величества, ослеплявшая блеском золота и хрусталя»².

Царские конные выезды совершались в честь значимых событий религиозного, дипломатического или воинского характера. Сакральные праздничные церемонии с участием лошади³ были одними из наиболее торжественных ритуалов: они совершались на Крещение, на Пасху, в Вербное воскресенье. Эти выезды были поистине великолепны: в русской средневековой придворной культуре красоте церемонии придавалось большое, в том числе и политическое значение. Церемония и ритуал здесь являлись важнейшими средствами сакрализации царской власти.

¹ Лизек 1837, 371.

² Лизек 1837, 364–365.

³ Тем не менее высказывалось мнение, согласно которому в Московии конные церемонии религиозного характера занимали незначительное место; при этом богомольные выезды не относили к религиозным. См.: Денисова 1954, 300.

Уподобление царя богу и признание божественной природы царской власти было более чем традиционным для русского средневековья. «В конце концов, все – как вельможи, так и чиновники, как люди светского сословия, так и духовного, – официально признают, что воля государева есть воля Божья и, что бы государь ни совершил, хотя бы и ошибочное, он совершил по воле Божьей. Поэтому они даже верят, что он – ключник и постельничий Бога и исполнитель его воли», – замечает писатель Алессандро Гваньини⁴. Русские «считают своего царя за высшее божество», – свидетельствует коммерсант Исаак Масса⁵.

Столь же однозначно в русском средневековом сознании с персоной царя связывался и его конь как символ единой державной власти⁶, воинской доблести и связи с божественными силами, поскольку только в лице властителя эти ипостаси соединялись. Согласно славянским верованиям, реликты которых были еще живы в средневековой Руси, конь занимал одно из центральных мест среди сложившейся иерархии ритуальных животных. Он выступал в роли и объекта сакрализации, и сакрального атрибута, где конь был солнечным божеством⁷, замещающим его символом или его спутником: «если присоединить сюда старинное название солнца колесом, то перед нами явится и колесница, и кони, и сам всадник-солнце»⁸.

Московский царь-солнце являлся своим подданным, облаченным в драгоценные одежды, расшитые алмазами и жемчугом, так что «в этом убранстве [его] называли убраным звездами солнцем», – свидетельствует чешский путешественник Бернгард Таннер⁹.

Единение коня и его царственного всадника подчеркивалось целостностью оформления их убранства в частности и внешней стороны ритуала в целом. Вот как выглядело пасхальное конное шествие: «царь [возвращаясь из собора в Кремле], в самой лучшей одежде, сидел на своей лучшей лошади. Некоторые лошади были накрыты попонами из золотой парчи, другие – из серебряной, у третьих попоны были расшиты камнями, жемчугом и бриллиантами; стремяна из серебра или великолепно позолочены, узды и сбруя из кованого позолоченного серебра, цепи со звеньями, размером больше пяди и шириной 2–3 дюйма, свисали с головы и шеи лошади, седла да и сами лошади были не менее великолепны»¹⁰.

Это описание, приведенное голландским посланником Николаасом Витсенем, тем более ценно, что царь как участник различных торжеств, крайне редко выступал в качестве всадника. «Во время церковных торжественных шествий царь идет пешком, верхом он ездит реже, а чаще всего в каретах, которых у него очень

⁴ Гваньини 1997, 93. Записки А. Гваньини, опубликованные в 1578 г., представляют собой компиляцию более ранних источников. См.: Гваньини 1997, 7.

⁵ Масса 1937, 68. В 1601–1609 гг. И. Масса был посланником голландского правительства.

⁶ Конь прежде всего был символом Дажьбога, от которого вели свое происхождение древнерусские князья, поскольку считалось, что именно при нем был установлен институт княжеской власти. См.: Бонгард-Левин, Грантовский 1988, 112.

⁷ У славян конь выступает как спутник Перуна, Хорса, и, особенно, Дажьбога, который, говоря словами Ипатьевской летописи, «Солнце cesарь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе муж силен». См.: Там же.

⁸ Афанасьев 1865, 593.

⁹ Таннер 1891, 52. Б. Таннер был в составе польско-литовского посольства Михаила Сапеги и Казимира Чарторыйского в 1678 г.

¹⁰ Витсен 1996, 152. Н. Витсен был в Московии в составе голландского посольства в 1664–1665 гг.

много, и присланных из чужих стран, и домашнего изделия <...> Перед каретою несут две красные подушки с шелковыми чехлами того же цвета и ведут также, по большей части, двух самых породистых коней в великолепном уборе. Зимой место кареты заступают сани, обитые отборным собольим мехом, в которые запрягается конь в таком же красивом уборе, а впереди него идет другой, также по-царски разукрашенный, на свободе и без седока», – отмечает путешественник Яков Рейтенфельс¹¹.

Санные выезды были самыми торжественными из всех прочих. Согласно славяно-русским верованиям¹², они были третьим компонентом того особого сакрального пространства, которое в средневековой Московии было приготовлено исключительно для Господа Бога либо для государя – носителя власти божественного происхождения.

Таким особым местом были, например, восточные ворота Опричного дворца Ивана Грозного, «ибо царь позволил себе входить в священные ворота, приготовленные для Господа Бога»¹³. «Через восточные ворота князя и бояре не могли следовать за великим князем – ни во двор, ни из двора: [эти ворота были] исключительно для великого князя, его лошадей и саней», – отмечает немецкий авантюрист, находившийся на службе у Ивана Грозного, опричник Г. Штаден¹⁴. Божественную природу, очевидно, здесь имели не только лошади, но и сани, которые в русском средневековье являлись наиболее почитаемым транспортом¹⁵. Как следствие, в особенных случаях их использовали не только зимой, но и в прочее время года. Так, в августе 1605 г. везли на санях из Москвы к месту захоронения в Троице-Сергиев монастырь останки Бориса Годунова и его жены¹⁶.

Сани XVI–XVII вв. были большие, украшенные резьбой, многокрасочной росписью и позолотой, обитые драгоценными яркими тканями и восточными коврами¹⁷, с санными полстями, шитыми золотом и низаными заморским жемчугом и драгоценными камнями¹⁸. Так, в государевой казне находились «сани большие выходные, резные золоченые, с царствы, на китах деревянных резных, те киты посеребрены. В тех санях обито бархатом червчатый двоemorховым, по нем травки и коруны золотные. Государево место сделано креслами, обито бархатом травчатым розных цветов по серебряной земле. По бархату прибавано бахромы золотные гвоздями серебряными, счетом 55 гвоздей. На месте две маковки серебряны золочены. На щиту и назади два орла двоеглавы, меж глав коруны; орлы и коруны деревянные резные, золочены. С лица щит обит бархатом золотным по червчатой земле гвоздями медными. И дышло, и боронки, и возничье место обито ко-

¹¹ См.: Рейтенфельс 1997, 299. Заметки Я. Рейтенфельса относятся к Московии первой половины 1570-х гг.

¹² Ануцин 1890, 1–2.

¹³ Юрганов 1997, 63.

¹⁴ Штаден 1925, 108.

¹⁵ Так, например, погребение на санях не в зимний период применялось довольно широко и за пределами царского круга, особенно к людям почтенным и старикам.

¹⁶ Рабинович 1978, 259.

¹⁷ Забелин 2014а, 437.

¹⁸ Филимонов 1884, 132.

жами золотными, не ремьях; полозье подбито железом. С исподи те сани окорчъя подбито сафьяном червчатым; в санях подножье обито сукном червчатым»¹⁹.

Другие царские сани, также выходные, были «резные золочены, на них писаны с царствы, в резных кругах. В них обито государево место бархатом рудо-желтым гладким; по бархату прибывано голун серебряной гвоздьми медными золочеными. У государева места по сторонам два орла резные золочены; у того же места на спусках бахрома золотная. На санях, по верху государева места, вырезан круг, в травах, резной, золоченой. Писано титуло блаженной памяти великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича, всея великой и малой и белой России самодержца; а с другую сторону писано в кругу ж: «Построены те сани во 190-м году марта в 6 д.». На ней орлик резной, золоченой. На щиту поставлен орел, с одну сторону резной золочен, а с другую сторону писан кругом места. У тех саней четыре скобы железные луженые, белые. Полозье и дышло и боронки писаны аспидом розными красками. Возничье место сделано железное, витое, и обито сукном червчатым. Запятки обиты сукном красным»²⁰.

Царские сани сопровождал возница из числа ближних стольников, который ехал верхом, управляя санями; другой стольник стоял на запятках («на ухабе»). При более пышных выездах в царских санях стояли еще и знатнейшие бояре и ближайшие стольники: первые – слева и справа от государя, а вторые – на оглоблях у переднего щита²¹. Саный выезд сопровождался пешими и конными боярами, окольными, другими придворными и сотенными отрядами стрельцов «для тесноты людской»²².

Нужно отметить, что упомянутая «теснота» не входила в число неперемных атрибутов власти в Московии. Современники отмечали, что царь Московии «величие свое заявляет не как иные монархи, толпою царедворцев, а больше всего роскошью одежд и красотою коней»²³. Но все же он «не выходит без того, чтобы при нем не было восемнадцати–двадцати тысяч всадников, ибо все, кто подчинен двору, садится на коня», замечает французский наемник капитан Жак Маржерет²⁴.

Выезды царицы были еще более великолепными. Именно здесь задействовались богато украшенные транспортные средства и самые лучшие лошади: «зимом тщеславятся санями, на которые поставлены кареты со стеклянными окнами, покрытые до земли алым или розовым сукном; летом же они величаются большими каретами. Всего больше они гордятся белыми лошадьми и множеством слуг и невольников, которые идут впереди и сзади», – свидетельствует архидиакон Павел Алеппский²⁵.

Нужно отметить, что по московским обычаям белые «как снег» лошади использовались преимущественно в конных поездках царицы и других высокосторже-

¹⁹ Викторов 1883, 501.

²⁰ Викторов 1883, 501.

²¹ Забелин 2014а, 437.

²² Забелин 2014а, 437.

²³ Таннер 1891, 108.

²⁴ Маржерет 2007, 145. Ж. Маржерет находился на русской службе в начале 1600-х гг.

²⁵ Алеппский 1898, 34. П. Алеппский путешествовал по России вместе со своим отцом, антиохийским патриархом Макарием в 1654–1656 гг.

ственных случаях²⁶, поскольку «понятия светлого, благого божества и святости неразлучны»²⁷. Соотнесение образа царицы, как спутницы государя, со светом и святостью, было еще одной составляющей в складывании его сакрального образа. Соответственно, и царицу московскую, как и ее супруга, также уподобляли Солнечному божеству, «если случится увидеть запряженную многими²⁸ белыми лошадьми карету Царицы, подражающую Юпитеру или Солнцу»²⁹.

Солнцеподобный облик августейшей супруги подчеркивался ее убранством. «Мы, истинно, удивлялись красоте царицыного наряда, – вспоминает греческий архиепископ Арсений Элассонский. – Мысль человеческая не в силах представить тех драгоценных уборов, которыми была украшена голова ей <...> Все были объаты “тихим испугом!” при виде различных украшений и множества смарагдов бледноватого цвета; последние были так велики, круглы и блестящи, что вес и цену даже одного из них очень трудно определить»³⁰. Так описывает архиепископ двенадцатиглавый венец царицы, унизанный крупным жемчугом и драгоценностями из самоцветов.

«На царице была длинная одежда, спускавшаяся до земли, с удивительным искусством сшитая из бархата, со множеством прекрасных узоров, красиво унизанных драгоценным жемчугом, а по середине топазами и ярко-красными рубинами, – продолжает архиепископ, отмечая одежды, великолепные и по мастерству исполнения, и по художественному решению. – Все это мы видели собственными глазами и думаем, что если бы взять самую небольшую часть этих сокровищ, то она могла бы собою украсить десяток царей!»³¹

Не только облачения царицы, но и ее лошади украшались наряднее прочих: «волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, цепочками и круглыми шариками, в виде львиной головки, и покрывались попонами из бархата или объари, обложенными золотою и серебряною бахромою с кистями по углам»³², что также приводило свидетелей этого великолепия в изумление. Так, например, по свидетельству голландского путешественника Я. Стрейса, лошади, увешанные лисьими хвостами, неизменно поражали воображение чужестранцев³³.

Не менее специфичным было убранство на шеях лошадей воевод в Московии: «и между глазами и на уздечках все пространство покрыто золочеными

²⁶ Белоснежные верховые кони также ценились выше прочих. Если они имели восточное происхождение, их выделяли в понятие «актаз». См.: Одинцов 1980, 92–93.

²⁷ Афанасьев 1865, 96.

²⁸ Обыкновенная запряжка для царицы составляла 12 лошадей. Однако отметим, что многолошадная упряжь более характерна для XVII в. Количество лошадей в упряжках со временем все увеличивалось, что привело к их законодательному ограничению для царского окружения. В 1681 г. царем Федором Алексеевичем «было указано, что только бояре могут ездить на двух лошадях, а в праздники на четырех, во время же свадеб и сговоров на шести. Все прочие, не исключая и стольников, должны ездить летом непременно верхом, а зимой в санях на одной лошади» (см.: Костомаров 1860, 120–121). Величина царского поезда, где встречались запряжки даже в 16 лошадей, не ограничивалась (см.: Олеарий 2003, 63).

²⁹ Эта аллегория принадлежит Августину Майербергу, посланнику австрийского посольства от императора Леопольда I к Алексею Михайловичу в 1662 г. См.: Майерберг 1874, 172.

³⁰ Элассонский 1879, 67–68. Записки А. Элассонского относятся к 1588–1589 гг.

³¹ Элассонский 1879, 67–68.

³² Костомаров 1860, 121.

³³ Стрейс 1935, 169. Я. Стрейс находился в Московии в 1668 г.

крестами»³⁴. Среди общего великолепия конского убранства самым эффектным и необычным было убранство царской лошади. Очевидцы вспоминают, как по случаю пасхальных торжеств «царь сидел на большом красивом сером коне, увешанном большими цепями из тяжелых золотых или позолоченных серебряных звеньев. Между звеньями кое-где висели прикованные к ним образы орла и святого Георгия»³⁵.

Отметим, что образ святого Георгия имел особое значение для презентации самодержавной власти. По летописным свидетельствам, первоначально всадник на государственной печати (так называемый «ездец») носил название «человек на коне»; однако современники называли его «государь на коне»³⁶. Надо отметить, что для средневековья вообще конные печати были делом обычным, но именно на Руси они получили особенно широкое распространение. Иконография конного образа на царских и великокняжеских печатях прослеживается от античного всадника с копьем, воплощения воина и героя³⁷. К середине XVI в. семантическое значение ездеца однозначно связывалось с царской властью. Одновременно ездец трактовался современниками как святой защитник и покровитель³⁸.

Демонстрация набожности в системе конструирования сакрального образа государя и сакрального пространства вокруг него имела определенный смысл формирования образа богоизбранности носителя власти. Подчеркиванию набожности как части образа государя служили и богомольные выезды – как те, которые совершались в каждый церковный праздник, так и те, что совершались по особым случаям в жизни государя или государства.

Годовые, то есть совершаемые ежегодно, богомольные выезды были праздниками, которые отмечались очень пышно; в царской семье они одновременно исполняли роль главных годовых парадных женских выездов. Августейшая фамилия выезжала, главным образом, к Троице³⁹, то есть в Троице-Сергиеву Лавру; сюда выезжали и царь, и царица, каждый собственным конным поездом.

Троицкие выезды были самыми пышными из всех богомольных. Так, по признанию многих очевидцев, одним из самых богатых выездов на богомолье был Троицкий поезд Бориса Годунова 6 октября 1602 г. Приведем здесь описание этой исключительной по своему блеску процессии, которое принадлежит датскому посланнику Акселю Гюльденстиерне. «Царь выехал из Москвы в монастырь, называемый “Троица” <...> чтобы помолиться – как он имеет обыкновение то делать ежегодно на каждого Михаила <...> Впереди его ехало верхом около шестисот русских пищальников; за ними друг за другом 25 русских, ведших каждый в поводу замечательно красивую, хорошо убранную лошадь с седлом и убором; на семи задних заводных лошадях [были накинута] через седло леопардовые шкуры. За этими заводными оседланными лошадьми вели в поводу шесть красивых рыжих упряжных лошадей в сбруе из алого бархата. Впереди него ехали верхом еще два боярина; каждый из них вез лестницу, обтянутую красным сукном, по которой он

³⁴ Алеппский 1897, 22.

³⁵ Витсен 1996, 157.

³⁶ Хорошкевич 1993, 16.

³⁷ Королькова 2007, 14.

³⁸ Юрганов 1998, 336.

³⁹ Об этом говорят многие из свидетелей, например, посланник английского короля Карла II граф Чарлз Карлейль, побывавший в России в 1663 г. См.: Карлейль 1879, 31.

имел взлезать в повозку и слезать из нее. Еще два других боярина везли в руках по подушке из парчи. За ними ехал верхом <...> ясельничий по имени Михаил Игнатович Татищев. Потом следовал царь в золоченой повозке с небом из алого бархата, запряженной шестью красивыми светло-серыми лошадьми в сбруе из алого бархата.

За ним ехал верхом его сын царевич, [одетый] в парчу, а возле него бежала большая толпа бояр и русских дворян – стариков, средних лет и молодых; за ними следовала большая толпа русских бояр. За ним следовало шесть повозок, в каждой из которых было устроено по большому фонарю, каковые имели ехать перед ним зажженными, когда станет темно, чтобы он мог ночью видеть. У повозки его тоже бежала большая толпа бояр, как старых, так и молодых.

Через полчаса [показалась] другая большая толпа русских дворян верхом. За ними ехало 40 русских стрельцов, державших каждый в поводу по красивой серой в яблоках лошади; половина этих лошадей была покрыта зелеными, а половина оранжевыми покровами, каковых лошадей вели впереди повозки царицы. За ними ехало верхом двое бояр и везли каждый по лестнице, обтянутой алым бархатом. За ними ехало верхом два других боярина, из коих каждый вез по парчовой подушке. Затем ехали на серых лошадях восемь бояр в алом бархате.

За ними следовала царица в золоченой повозке с небом из алого бархата, и против нее в повозке сидели две боярыни. Повозка ее была запряжена десятью очень красивыми серыми лошадьми.

За нею следовала царевна, ехавшая также в золоченой повозке с небом из оранжевого бархата <...> Повозка ее была запряжена восемью красивыми серыми лошадьми. Как кругом царицыной, так и кругом царевниной повозки бежала большая толпа бояр. За повозкою царевны ехало верхом 36 боярынь, все замужние, одетые в красное, все в белых войлочных шляпах с широкими полями и красными повязками вокруг шляпы и с белою [фатою, закрывавшей] рот. Сидели они на лошадях по-мужски. За ними следовало большое множество повозок, запряженных каждая четырьмя серыми лошадьми; [в повозках этих] сидели вдовы. При царице, так же как и при царе, было шесть повозок с большими фонарями»⁴⁰.

Еще более блестящим признавали выезд 1675 г., в котором традиционный поезд был дополнен сопровождающими его знаменосцами, пушками с канонирами, скороходами и музыкантами (трубачами и барабанщиками). В выезде также участвовали иноземные посланники. Охрана поезда составляла 14 000 воинов без учета ветеранов пехоты, стрельцов, конных стрелков, копейщиков, секироносцев и оруженосцев⁴¹. В процессии принимали участие и царские дети, для выездов которых, по уже оформившейся традиции, при русском дворе держали малорослых лошадей: «следовала маленькая, вся испещренная золотом карета младшего Князя в четыре лошади Пигмейной породы, по бокам шли четыре карлика, и такой же сзади верхом на крохотном коньке. В другой карете везли царских детей»⁴².

Современники признавали, что важную роль в оформлении этого выезда сыграли новые одежды для государевой свиты и конское убранство, изготовленные

⁴⁰ Гюльденстиерне 1911, 26–27. Аксель Гюльденстиерне – участник датского посольства 1602 г., сопровождавшего жениха Ксении Годуновой герцога Иоганна.

⁴¹ Лизек 1837, 363–364.

⁴² Лизек 1837, 366.

специально для этого случая по заказу боярина А.С. Матвеева⁴³. Частью этого удивительного убранства были «персидские ковры, для лошадей, удивительно вытканые серебром и золотом»⁴⁴; каждый из которых несли два человека, а также тигровые и леопардовые покровы, серебряные удила, поводья из золотного шелка и красный штофный чепрак, украшенный финифтью и кованным золотом.

Троицкие богомолья обыкновенно совершались как совместные семейные выезды. В сложной системе государственного церемониала именно они имели смысл «торжественного свидетельства Царского благочестия»⁴⁵, что служило складыванию не только сакрального образа монарха, но и сакрального пространства вокруг него.

Кроме Троице-Сергиевой Лавры, царская семья посещала Страстной, Новодевичий и Новоспасский монастыри и другие пригородные и загородные монастыри и подворья. Так, сохранилось описание выезда в храм села Покровского, оставленное немецким путешественником и географом А. Олеарием. «Его царское величество со своими боярами, князьями и солдатами, то есть в общем со свитою человек в 1000, отправился с полмили от города на паломничество в какую-то церковь. Великий князь ехал один с кнутом в руке; за ним ехали бояре и князья, по 10 в ряд, представляя великолепное зрелище. Далее следовали великая княгиня с молодым князем и княжною в деревянной, разукрашенной резьбою, сверху обтянутой красным сукном, а с боков желтою тафтою, большой повозке, которую везли 16 белых лошадей. За нею следовал женский штат царицы в двадцати двух деревянных повозках, выкрашенных в зеленый цвет и также обтянутых красным сукном, как была обтянута и конская упряжь. Повозки были накрепко закрыты, так что внутри никого нельзя было видеть, разве если случайно ветер поднимал занавесы; мне как раз привелось испытать подобное счастье при проезде повозки ее царского величества, так что я увидел ее лицо и одежду, которая была очень великолепна. С боков шли более 100 стрельцов с белыми палками; они ударами разгоняли с дороги сбегавшийся отовсюду народ. Народ, который очень любит и уважает власти, все время с особым благоговением желал им счастья и благословлял их путь»⁴⁶.

Парадная церемония царского выезда совершалась даже в том случае, если проехать нужно было крайне незначительное расстояние, соответственно традиции, которая заключалась в том, что «если русский имеет хоть какие-нибудь средства, он никогда не выходит из дому пешком, но зимой выезжает на санях, а летом верхом». Это свидетельство принадлежит английскому посланнику Антонию Дженкинсону⁴⁷. «Ни один знатный человек из тех, что побогаче, не пойдет пешком», – сообщает австрийский дипломат и историк Сигизмунд Герберштейн⁴⁸. «Зажиточные и богатые люди всегда ездят верхом, куда им придется, в Кремль ли, на торг, в церковь или в гости, для посещения друг друга, и считают большим

⁴³ Седов 2006, 185.

⁴⁴ Лизек 1837, 365.

⁴⁵ Цит. по: Седов 2006, 184.

⁴⁶ Олеарий 2003, 63. Записки А. Олеария относятся к 1634 г.

⁴⁷ Дженкинсон 1937, 80. А. Дженкинсон был в России многократно в качестве дипломата и коммерсанта и свое пребывание подробно описал в записках.

⁴⁸ Герберштейн 1988, 122. С. Герберштейн был в России дважды – в 1517 г. и в 1526 г. В основу «Записок о Московии» С. Герберштейна положены материалы его второго путешествия.

стыдом и бесчестьем ходит пешком», – вторит ему шведский историк и посланник П. Ерлезунда⁴⁹. Таким образом, заключает Ж. Маржерет, «когда Император выезжает за город, пусть даже на шесть–семь верст от города, большая их часть отправляется с ним, получая лошадей из конюшен Императора»⁵⁰. Царская конная процессия выглядела более чем внушительно, о чем сохранились многочисленные воспоминания современников.

Годовые богомольные выезды главным образом совершались в дни памяти усопших родителей⁵¹ в Новоспасский монастырь, где покоились предки Романовых. Выезжала царская семья для молебнов и о здравии, и о рождении детей.

Богомольные выезды одного только государя случались реже, они совершались по особым случаям (например, в благодарение за рождение детей). Вопрос продления рода в данном случае не был только лишь частным семейным делом, поскольку речь шла о благополучии царской династии и всего государства. Следовательно, выездам для молитв о преображении из «бесчадной жены в чадородную»⁵² придавался характер официальных церемоний, которым часто сопутствовали и другие действия, такие как закладка обетных храмов в посещаемых местах и богатые вклады.

Так, в 1600 г. торжественно доставляли в Троице-Сергиев монастырь полиелейный колокол и драгоценную ризу на икону. Шествие происходило следующим образом. «Сначала, в течение всего утра, выходили из города различные конные отряды и размещались для встречи царя при его выезде из городских ворот. Около полудня царь отправил вперед свою гвардию, которая была вся конная, числом в 500 человек, одетых в красные кафтаны; они ехали по трое в ряд, имея луки и стрелы, сабли у пояса и секиры при бедре. За гвардией двадцать человек вели двадцать прекрасных коней с двадцатью очень богатыми и искусно отделанными седлами, и еще десять для царского сына и наследника, которому теперь 12 лет от роду. За ними вели, таким же образом, двадцать прекрасных белых лошадей для царицыных карет; на этих лошадях были только красивые попоны, а на голове узда из красного бархата», – пишет англичанин Вильям Парри, бывший в России проездом в 1599–1600 гг.⁵³

Следом за каретными лошадьми шествовали монахи и горожане, а «позади них вели царского коня <...> а также коня царевича; седло и прочая сбруя царского коня были в изобилии осыпаны драгоценными, прекраснейшими камнями»⁵⁴. Далее следовали церковные иерархи, царь, который вел за руку сына, и царица в сопровождении шестидесяти придворных дам. Позади них ехали три роскошные огромные кареты, запряженные, соответственно, десятью, восемью и шестью прекрасными лошадьми. За августейшей семьей и вереницей карет следовали придворные, за которыми везли ризу и колокол. Их сопровождение составляло в общей сложности 4 000 человек. Убранство коней, роскошь карет и парадных одежд участников процессии поражали воображение очевидцев.

⁴⁹ Ерлезунда 1867, 402.

⁵⁰ Маржерет 2007, 144–145.

⁵¹ Забелин 20146, 399.

⁵² Ракина 2009, 47.

⁵³ Парри 1899, 8. В. Парри был в числе англичан, находившихся в составе персидского посольства от Шаха Аббаса I в Европу.

⁵⁴ Парри 1899, 8.

Еще более красочно был оформлен обряд «шествия на осляти», символизирувавший вход Господень в Иерусалим; он проводился в неделю Ваий в Вербное воскресенье. По словам очевидцев, шествие было «особой церемонией: митрополит садится на коня, покрытого ковром, которого за повод ведет князь, и если не он, то его сын или самый знатный боярин. Навстречу им, – пишет итальянец-иезуит П. Кампани, – идет много народа с повозками, на которых находятся дети, поющие псалмы, а сами повозки украшены ветками деревьев и всякого рода плодами, которые можно найти в это время года. В таком порядке, в сопровождении толпы народа, они торжественно продвигаются к церкви, где и совершается богослужение»⁵⁵.

Центром внимания в этой церемонии была лошадь, изображающая осла, согласно иконографическому канону. Убранство ее состояло из каптура⁵⁶ – особого рода длинной, до копыт, холщовой⁵⁷ или (реже) шелковой⁵⁸ попоны с капюшоном, мягкого поперечного седла⁵⁹, и длинных поводьев. «Царь выступал в своем самом торжественном убранстве», – сообщает гданьский монах-путешественник Мартин Груневег, которому удалось приблизиться к русскому государю почти вплотную⁶⁰. Важной частью внешней стороны обряда были красные и зеленые одежды, которые участники действия бросали под ноги лошади: «человек 30 расстилают свои платья перед лошастью и, как только она пройдет по ним, поднимают платья, забегают вперед и снова расстилают, так что лошадь постоянно идет по одеждам. Расстилающие платья все сыновья священников; за их труды Царь жалует им новые платья», – отмечали очевидцы⁶¹.

Некоторым подобием этого ритуала было «шествие на осляти» при интронизации патриарха или митрополита. Наиболее важным отличием было то, что здесь «осля» вел придворный – конюший, боярин или окольный, который не представлял царя, а только выполнял почетную функцию⁶². Государь в этом шествии участия не принимал, однако само оно проходило в Кремле: «А после обедни Патриарх Иосиф вышел из Церкви Положения честных Ризы пречистой Богородицы, и сойде по лестнице, и сяде на ося у лестницы с приступки, и поехал с Патриарша двора в Ризоположенские ворота, а вел под Патриархом ося за конец повода боярин Василей Петрович Шереметев, а по среди повода вел окольный князь Андрей Федорович Литвинов Масальской, а у губы ося, с правую сторону, вел его Патриарш боярин Василей Янов, а с другую сторону за узду вел ося стремянной конюх; те же, которые вели и в неделю»⁶³.

⁵⁵ Кампани 1969, 84. Паоло Кампани был в составе посольства во главе с ватиканским дипломатом-иезуитом Антонио Поссевино, прибывшего в Москву в феврале 1582 г.

⁵⁶ Савваитов 1896, 51.

⁵⁷ Ченслер 1884, 19. Ричард Ченслер – английский коммерсант; в Московии он был дважды, оба раза – в 1550-х гг.

⁵⁸ Вебер, Лунд 1867, 40. И. Вебер и М.И. Лунд – участники датского посольства 1602 г. сопровождавшего жениха Ксении Годуновой герцога Иоганна.

⁵⁹ Роде 1991, 294. Андрей Роде был участником датского посольства Г. Ольделанда, которое находилось в Москве в 1659 г.

⁶⁰ Груневег 2013, 228. Записки М. Груневега относятся к 1584–1585 гг.

⁶¹ Барсов 1884, 19.

⁶² Успенский 1998, 458.

⁶³ Новиков 1788, 252–253.

Отметим, что обряд «шествия на осляти» за время своего существования подвергался изменениям. Наиболее старинный порядок сохранялся до 1559 г., когда был освящен придел Входа Господня в Иерусалим Покровского собора на Рву (вхождение во Входа-Иерусалимскую церковь уподоблялось вхождению Христа в Иерусалим). Процессия обходила церкви Кремля и затем возвращалась в Успенский собор, не выходя за его пределы. С 1559 до 1656 г. шествие совершалось из кафедрального Успенского собора в Покровский собор на Рву и затем обратно в Успенский собор. При Никоне традиционный порядок был изменен, и «осля» теперь вели от Лобного места до Успенского собора⁶⁴.

Не обходилось без конных поездов и водокрещение, когда лошади получали ритуальное питье и везли царские сани с освященной водой. Так, например, описывает Р. Ченслер обряд, происходивший в Москве в 1558 г.: «Привели царских жеребцов напиться этой воды; также и другие многие приводили сюда своих лошадей – напоить их; через это делали своих лошадей столь святыми, как и самих себя»⁶⁵. Ему вторит и другой очевидец этого события, английский коммерсант и дипломат Дж. Флетчер, который отмечает, что лошадей ведут к реке после людей⁶⁶. По свидетельству А. Дженкинсона, обычай (который И. Корб называет «благословлением реки» – Б.Ш.) касался только лучших царских лошадей⁶⁷.

По словам Иоганна Корба, бывшего секретарем австрийского посольства И.Х. Гвариента, лошади участвовали в этом обряде еще в одной роли: шесть белых лошадей «привозили покрытый красным сукном сосуд, напоминавший своей фигурой саркофаг. В этом сосуде надлежало затем отвезти благословленную воду в дворец его Царского Величества»⁶⁸. Эти заметки относятся к 1699 г.; освящение лошадей, насколько можно судить, в это время уже не практиковалось, их участие здесь ограничивается лишь утилитарно-практической ролью. Он же отмечает, что лошади доставляли не только царские сани со золотыми сосудами, предназначенными для святой воды, но и полевые орудия – лафеты. Для наибольшей торжественности лошади подбирались похожие одна на другую; они и сани «были богато украшены, согласно представлениям о “чине”». Так, военный и дипломат Михаил Обухович, бывший в Московии в 1650–1660-х гг., пишет, что «лошадиные головы убирались страусовыми перьями, их спины и дуги саней были покрыты красным бархатом; сами сани были накрыты золотой парчой»⁶⁹. Лошади у орудий, как свидетельствует голландский посланник Балтазар Койэтт, имели гербовые попоны⁷⁰. Замечание Б. Койэтта относится к январю 1676 г.

Здесь же отметим, что для совершения различных ритуалов требовались животные определенной масти. Так, для исполнения водосвятия, согласно русскому пониманию взаимосвязи света и святости, чаще всего выбирались белые лошади.

⁶⁴ Успенский 1998, 442–444.

⁶⁵ Ченслер 1884, 18.

⁶⁶ Флетчер 1906, 116.

⁶⁷ Дженкинсон 1937, 78.

⁶⁸ Корб 1906, 111–113.

⁶⁹ Обухович 1991, 40–42. М. Обухович был посланником польского и великого князя литовского Яна II Казимира Вазы.

⁷⁰ Койэтт 1900, 377. Б. Койэтт был в составе Великого голландского посольства Кунраада Фан-Кленка в 1675–1676 гг.

ди⁷¹, однако есть свидетели, например, тот же Б. Койэтт⁷², которые говорят о присутствии в процессии вороных лошадей.

Заключение

Итак, в Московии XVI–XVII вв. церемониал царского парадного конного выезда уже был сформирован; особый язык ритуалов и символов царской власти определен и обозначен. Конь, как животное с древней мифо-ритуальной историей, в русской культуре был довольно широко вовлечен в эту сферу. В этих условиях царский конный выезд получил значимость не только как часть русской средневековой культуры в целом: он стал важнейшим средством выстраивания образов царской власти. Божественное происхождение царской власти подчеркивалось посредством коня, служившего самостоятельным солярным символом и спутником солнечного божества. Дорогие породистые кони и их драгоценное убранство – эти неперенные компоненты власти – способствовали формированию образа русского царя как могущественного богоизбранного властителя в глазах представителей иноземной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Алеппский, П. 1897: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию. Украина и Киев. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 1–80.
- Алеппский, П. 1898: *Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века*. Москва. М.
- Анучин, Д.Н. 1890: *Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда*. М.
- Афанасьев, А.Н. 1865: *Поэтические воззрения славян на природу*: в 3 т. Т. 1. М.
- Барсов, Е.В. (ред.) 1884: Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при Царском дворе. Известия англичан о России во второй половине XVI века. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 12–29.
- Бонгард-Левин, Г.М., Грантовский, Э.А. 1988: Скифы и славяне: мифологические параллели. В сб.: В.А. Тимощук (ред.), *Древности славян и Руси*. М., 110–114.
- Вебер, И., Лунд, М.И. 1867: Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена младшего из королевского датского рода и проч. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 2–56.
- Викторов, А.Е. 1883: *Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г.* М.
- Витсен, Н. 1996: *Путешествие в Московию. 1664–1665*. СПб.
- Гваньини, А. 1997: *Описание Московии*. М.
- Герберштейн, С. 1988: *Записки о Московии*. М.
- Груневег, М. 2013: *Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг.* М.
- Гюльденстиерне, А. 1911: Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Гольштейнского в Россию 1602 г. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 3, 32–63.

⁷¹ Рейтенфельс 1997, 373.

⁷² Койэтт 1900, 381.

- Денисова, М.М. 1954: Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI–XVII веков. В сб.: С.К. Богоявленский, Г. А. Новицкий (ред.), *Государственная Оружейная палата Московского Кремля*. М., 247–304.
- Дженкинсон, А. 1937: Путешествие из Лондона в Москву 1557–1558 гг. В кн.: Ю.В. Готье (ред.), *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке*. М., 67–80.
- Ерлезунда, П.П. 1867: История о Великом Княжестве Московском. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 2, 343–578.
- Забелин, И.Е. 2014а: *Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*. М.
- Забелин, И.Е. 2014б: *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях*. М.
- Капмани, П. 1969: Записки. Сведения о России конца XVI в. *Вестник МГУ* 6, 80–85.
- Карлейль, Ч. 1879: Описание Московии при реляциях гр. Карлейля *Историческая библиотека: учено-литературный журнал* 5, 1–46.
- Койэтт, Б. 1900: *Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу*. СПб.
- Корб, И.Г. 1906: *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)*. СПб.
- Королькова, Е.Ф. 2007: «Полцарства за коня...». В кн.: М.Б. Пиотровский (ред.), «Полцарства за коня...» *Лошадь в мировой культуре. Произведения из собрания Государственного Эрмитажа*. Казань, 13–28.
- Костомаров, Н.И. 1860: *Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях*. СПб.
- Лизек, А. 1837: Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 г. *Журнал Министерства народного просвещения* 16, 327–394.
- Масса, И. 1937: *Краткое известие о Московии в начале XVII в.* М.
- Майерберг, А. 1874: *Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии*. М.
- Маржерет, Ж. 2007: Состояние Российской империи. В кн.: А. Берелович, В. Д. Назаров, П. Ю. Уваров (ред.), *Жак Маржерет. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи)*. М., 113–186.
- Новиков, Н.И. (ред.) 1788: Чин Патриаршия круг города на осляти шествия, бываемого в день постановления Российских патриархов, и следующие в том обряды, 1642 года. *Древняя российская вивлиофика* 2, 245–261.
- Обухович, М. 1991: Дневник Михаила Обуховича, стражника Великого княжества Литовского, писанный в плену в Москве в 1666 году. В кн.: М.М. Сухман (ред.), *Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII веков*. М., 335–341.
- Одинцов, Г.Ф. 1980: *Из истории гиппологической лексики в русском языке*. М.
- Олеарий, А. 2003: *Описание путешествия в Московию*. Смоленск.
- Парри, В. 1899: Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599–1600 гг. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 3–10.
- Рабинович, М.Г. 1978: *Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт*. М.
- Раkitина, М.Г. 2009: Обряды рождения и крещения царских детей в России XVI–XVII вв. В сб.: С.А. Козлов (ред.), *Исследования по источниковедению России (до 1917 г.)*. М., 46–70.
- Рейтенфельс, Я. 1997: Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. В кн.: А. Либерман (ред.), *Утверждение династии*. М., 231–406.
- Роде, А. 1991: Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году. В кн.: Н.М. Рогожин (ред.), *Проезжая по Московии*. М., 285–319.

- Савваитов, П.И. 1896: *Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора*. СПб.
- Седов, П.В. 2006: *Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века*. СПб.
- Стрейс, Я. 1935: *Три путешествия*. М.
- Таннер, Б. 1891: Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 3, 1–102.
- Успенский, Б.А. 1998: *Царь и патриарх: харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление*. М.
- Филимонов, Г.Д. (ред.) 1884: *Опись Московской Оружейной палаты. Конюшенная казна. Ловчий снаряд*. М.
- Флетчер, Дж. 1906: *О государстве русском, или образ правления русского царя*. СПб.
- Хорошкевич, А.Л. 1993: *Символы русской государственности*. М.
- Ченслер, Р. 1884: Известия англичан о России во второй половине XVI века. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 1–105.
- Штаден, Г. 1925: *О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника*. М.
- Элассонский, А. 1879: Описание путешествия в Московию. *Историческая библиотека: учено-литературный журнал* 9, 45–97.
- Юрганов, А.Л. 1997: Опричнина и страшный суд. *Отечественная история* 3, 52–75.
- Юрганов, А.Л. 1998: *Категории русской средневековой культуры*. М.

REFERENCES

- Afanas'ev, A.N. 1865: *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [*Poetic Views on the Nature of the Slavs*]: v 3 t. T.1. Moscow.
- Aleppskii, P. 1897: Puteshestvie antiokhiiskogo patriarkha Makariya v Rossiyu. Ukraina i Kiev [The Journey of the Antiochian Patriarch Makarios to Russia. Ukraine and Kiev]. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 1–80.
- Aleppskii, P. 1898: Puteshestvie antiokhiiskogo patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka. Moskva [The Journey of the Antiochian Patriarch Makarios to Russia in the Half of the 17th Century. Moscow]. Moscow.
- Anuchin, D.N. 1890: *Sani, lad'ya i koni kak prinadlezhnost' pokhoronnogo obryada* [*Sleigh, Boat and Horses as Belonging to a Funeral Rite*]. Moscow.
- Barsov, E.V. (red). 1884: Opisanie Rossii neizvestnogo anglichanina, sluzhivshogo zimu 57–58 godov pri Tsarskom dvore. Izvestiya anglichan o Rossii vo vtoroi polovine XVI veka [Description of Russia an Unknown Englishman who Served the Winter of 57–58 years at the Tsar's Court. News of the British about Russia in the Second Half of the 16th century]. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 12–29.
- Bongard-Levin, G.M., Grantovskii, E.A. 1988: Skify i slavyane: mifologicheskie paralleli [Scythians and Slavs: mythological parallels]. In: V.A. Timoshchuk (red.), *Drevnosti slavyan i Rusi* [*Antiquities of the Slavs and Russia*]. Moscow, 110–114.
- Chensler, R. 1884: Izvestiya anglichan o Rossii vo vtoroi polovine XVI veka [News of the British about Russia in the Second Half of the 16th Century]. *Чтения в Обществе истории и древностей российских* 4, 1–105.
- Denisova, M.M. 1954: Konyushennaya kazna. Paradnoe konskoe ubranstvo XVI–XVII vekov [Stable Treasury. The Ceremonial Horse Decoration of the XVI–XVII Centuries]. In: S.K. Bogoyavlenskii, G.A. Novitskii (red.) *Gosudarstvennaya Oruzheinaya palata Moskovskogo Kremlya* [*The State Armory Chamber of the Moscow Kremlin*]. Moscow, 247–304.

- Dzhenkinson, A. 1937: Puteshestvie iz Londona v Moskvu 1557–1558 gg. [A Trip from London to Moscow in 1557–1558]. In: Yu.V. Got'e (red.), *Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English Travelers in the Moscow State in the 16th Century]. Moscow, 67–80.
- Ellasonskii, A. 1879: Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of the Trip to Muscovy]. *Istoricheskaya biblioteka: ucheno-literaturnyi zhurnal* [Historical library: Scientific and Literary Magazine] 9, 45–97.
- Erlezunda, P.P. 1867: Istoriya o Velikom Knyazhestve Moskovskom [History of the Grand Duchy of Moscow]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 2, 343–578.
- Filimonov, G.D. (red.) 1884: *Opis' Moskovskoi Oruzheinoi palaty. Konyushennaya kazna. Lovchii snaryad* [Inventory of the Moscow Armory Chamber. Stable Treasury. Hunting Equipment]. Moscow.
- Fletcher, Dzh. 1906: *O gosudarstve russkom, ili obraz pravleniya russkogo tsarya* [On the State of Russian, or the Government of the Russian Tsar]. Saint-Petersburg.
- Gerbershtein, S. 1988: *Zapiski o Moskovii* [Notes about Muscovy]. Moscow.
- Gruneveg, M. 2013: *Zapiski o torgovoi poezdke v Moskvu v 1584–1585 gg.* [Notes on a Shopping Trip to Moscow in 1584–1585]. Moscow.
- Gvan'ini, A. 1997: *Opisanie Moskovii* [Description of Muscovy]. Moscow.
- Gyul'denstierne, A. 1911: Puteshestvie ego knyazheskoi svetlosti gertsoga Gansa Shlezvig-Golshteynskogo v Rossiyu 1602 g. [Tour of his Serene Highness the Duke of Schleswig-Holstein Hans in Russia in 1602]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 3, 32–63.
- Kampani, P. 1969: Zapiski. Svedeniya o Rossii kontsa XVI v. [Notes. Information about Russia at the End of the XVI Century]. *Vestnik MGU* [MSU Vestnik] 6, 80–85.
- Karleil', Ch. 1879: Opisanie Moskovii pri relyatsiyakh gr. Karleilya [Description of Muscovy at the Relays of Carlyle]. *Istoricheskaya biblioteka: ucheno-literaturnyi zhurnal* [Historical Library: Scientific and Literary Magazine] 5, 1–46.
- Khoroshkevich, A.L. 1993: *Simvoly russkoi gosudarstvennosti* [Symbols of Russian Statehood]. Moscow.
- Koiett, B. 1900: *Posol'stvo Kunraada fan Klenka k tsaryam Alekseyu Mikhailovichu i Feodoru Alekseevichu* [Kunraad fan Klenk Embassy to the Kings Alexei Mikhailovich and Feodor Alekseevich]. Saint-Petersburg.
- Korb, I.G. 1906: *Dnevnik puteshestviya v Moskoviyu (1698 i 1699 gg.)* [Diary of a trip to Muscovy (1698 and 1699)]. Saint-Petersburg.
- Korol'kova, E.F. 2007: «Poltsarstva za konya...» [«A Half-Kingdom for a Horse ...»]. In: M.B. Piotrovskii (red.), «Poltsarstva za konya...» *Loshad' v mirovoi kul'ture. Proizvedeniya iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [«A Half-Kingdom for a Horse ...» A Horse in World Culture. Works from the Collection of the State Hermitage]. Kazan, 13–28.
- Kostomarov, N.I. 1860: *Ocherk domashnei zhizni i npravov velikorussskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Essay on the Home Life and Customs of the Great Russian People in the 16th and 17th centuries]. Saint-Petersburg.
- Lizek, A. 1837: Skazanie Adol'fa Lizeka o posol'stve ot imperatora Rimsskogo Leopold'a k velikomu tsaryu Moskovskomu Alekseyu Mikhailovichu v 1675 g. [Legend of Adolf Lizek about the Embassy from the Emperor of Rome Leopold to the Great Tsar Alexei Mikhailovich of Moscow in 1675] *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education] 16, 327–394.
- Maierberg, A. 1874: *Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Maierberga, chlena imperatorskogo pridvornogo soveta i Goratsiya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, kavalera i chlena pravitel'stvennogo soveta Nizhnei Avstrii* [A trip to Muscovy by Baron Augustin Meyerberg,

- a Member of the Imperial Court Council and Horace Wilhelm Kalvucci, a Chevalier and Member of the Government Council of Lower Austria*]. Moscow.
- Marzheret, Zh. 2007: Sostoyanie Rossiiskoi imperii [The state of the Russian Empire]. In: A. Berelovich, V. D. Nazarov, P.Yu. Uvarov (red.), *Zhak Marzheret. Sostoyanie Rossiiskoi imperii. Zh. Marzheret v dokumentakh i issledovaniyakh (Teksty, kommentarii, stat'i)* [*Jacques Margeret. The State of the Russian Empire. J. Margeret in Documents and Studies (Texts, Comments, Articles)*]. Moscow, 113–186.
- Massa, I. 1937: *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v.* [*Short News about Muscovy in the Beginning of the XVII Century*]. Moscow.
- Novikov, N.I. (red) 1788: Chin Patriarshiya krug goroda na oslyati shestviya, byvaemogo v den' postanovleniya Rossiiskikh patriarkhov, i sleduyushchie v tom obryady, 1642 goda [The Rite of the Patriarchal Procession on the Donkey Around the City on the Day of the Russian Patriarchs' Establishment, and the Following Ceremonies, in 1642]. *Drevnyaya rossiiskaya vivliofika* [*Ancient Russian Vivliography*] 2, 245–261.
- Obukhovich, M. 1991: Dnevnik Mikhaila Obukhovicha, strazhnika Velikogo knyazhestva Litovskogo, pisannyi v plenu v Moskve v 1666 godu [The Diary of Mikhail Obukhovich, the Guard of the Grand Duchy of Lithuania, Wrote in Captivity in Moscow in 1666]. In: M.M. Sukhman (red), *Inostrantsy o drevnei Moskve: Moskva XV–XVII vekov* [*Foreigners about Ancient Moscow: Moscow XV–XVII centuries*]. Moscow, 335–341.
- Odintsov, G.F. 1980: *Iz istorii gippologicheskoi leksiki v russkom yazyke* [*From the History of Hippological Lexicon in Russian*]. Moscow.
- Olearii, A. 2003: *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [*Description of the Trip to Muscovy*]. Smolensk.
- Parri, V. 1899: Proezd chrez Rossiyu persidskogo posol'stva v 1599–1600 gg. [Passage through Russia of the Persian embassy in 1599–1600]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh* [*Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian*] 4, 3–10.
- Rabinovich, M.G. 1978: *Ocherki etnografii russkogo feodal'nogo goroda. Gorozhane, ikh obshchestvennyi i domashnii byt* [*Essays on the Ethnography of the Russian Feudal City. Citizens, their Social and Home Life*]. Moscow.
- Rakitina, M.G. 2009: Obryady rozhdeniya i kreshcheniya tsarskikh detei v Rossii XVI–XVII vv. [Rites of Birth and Baptism of Royal Children in Russia XVI–XVII Centuries] In.: S.A. Kozlov (red.) *Issledovaniya po istochnikovedeniyu Rossii (do 1917 g.)* [*Research on Source Russia (before 1917)*]. Moscow, 46–70.
- Reitenfel's, Ya. 1997: Skazaniya svetleishemu gertsogu Toskanskomu Koz'me Tret'emu o Moskovii [Tales to the Most Serene Duke of Tuscany Kozma the Third about Muscovy]. In: A. Liberman (red.), *Utverzhdenie dinastii* [*Approval of the Dynasty*]. Moscow, 231–406.
- Rode, A. 1991: Opisanie vtorogo posol'stva v Rossiyu datskogo poslannika Gansa Ol'delanda v 1659 godu [Description of the Second Embassy in Russia, the Danish Envoy Hans Oldeland in 1659]. In: N.M. Rogozhin (red.), *Proezhaya po Moskovii* [*Driving Through Moscow*]. Moscow, 285–319.
- Savvaitov, P.I. 1896: *Opisanie starinnykh russkikh utvarei, odezhd, oruzhiya, ratnykh dospekhov i konskogo pribora* [*Description of the Ancient Russian Utensils, Clothes, Weapons, Military Armor and Horse Equipment*]. Saint-Petersburg.
- Sedov, P.V. 2006: *Zakat Moskovskogo tsarstva. Tsarskii dvor kontsa XVII veka* [*Sunset of the Moscow Kingdom. The Royal Court of the End of the XVII Century*]. Saint-Petersburg.
- Shtaden, G. 1925: *O Moskvie Ivana Groznogo. Zapiski nemtsa-oprichnika* [*About Ivan the Terrible Moscow. Notes by German-guardsmen Oprichnik*]. Moscow.
- Streis, Ya. 1935: *Tri puteshestviya* [*Three Trips*]. Moscow.
- Tanner, B. 1891: Opisanie puteshestviya pol'skogo posol'stva v Moskvu v 1678 g. [Description of the Journey of the Polish Embassy to Moscow in 1678]. *Chteniya v Obshchestve istorii*

- i drevnostei rossiiskikh* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 3, 1–102.
- Uspenskii, B.A. 1998: *Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii. Vizantiiskaya model' i ee russkoe pereosmyslenie* [Tsar and Patriarch: the Charisma of Power in Russia. The Byzantine Model and its Russian Rethinking]. Moscow.
- Veber, I. & Lund, M.I. 1867: Podlinnoe izvestie o russkom i moskovskom puteshestvii i v'ezde svetleishego vysokorodnogo knyazya i gosudarya, gospodina gertsoga Iogansena mladshego iz korolevskogo datskogo roda i proch. [The True News of the Russian and Moscow Travel and Entry of the Most Noble Prince and Prince, Duke Johansen Jr. of the Royal Danish family, and so on]. In: *Dva svatovstva inozemnykh printsev k russkim velikim knyaznam v XVII stoletii. Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh* [Readings in the Society of History and Antiquities of the Russian] 4, 2–56.
- Viktorov, A.E. 1883: *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1613–1725 g.* [Description of Note Books and Papers of Old Palace Orders in 1613–1725]. Moscow.
- Vitsen, N. 1996: *Puteshestvie v Moskoviyu. 1664–1665* [Travel to Muscovy. 1664–1665]. Saint-Petersburg.
- Yurganov, A.L. 1997: Oprichnina i strashnyi sud [Oprichnina and the Last Judgment]. *Otechestvennaya istoriya* [Native history] 3, 52–75.
- Yurganov, A.L. 1998: *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow.
- Zabelin, I.E. 2014b: *Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletiyakh* [Home Life of Russian Queens in the XVI and XVII Centuries]. Moscow.
- Zabelin, I.E. 2014a: *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletiyakh* [Home Life of Russian Kings in the XVI and XVII Centuries]. Moscow.

SACRAL IN THE ROYAL HORSE EQUIPAGE: NARRATIVE SOURCES OF THE LATE RUSSIAN MIDDLE AGES

Bella L. Shapiro

Russian State University for the Humanities, Russia,
b.shapiro@mail.ru

Abstract. The work reveals the basic principles of designing of sacred space in the Russian court culture via the study of the history of the horse, one of the most mythologized animals in Russian culture. In this context, the works of foreigners who visited the Moscow state in 16th – 17th centuries are analyzed. They are deeply studied by the Russian historians memoirs by S. Herberstein, A. Olearius, J. Margeret, A. Staden, B. Jenkinson, B. Coyett and less well-known works of A. Lizek, A. Ellassonskiy, M. Obukhovich, M. Gruneweg, Th. Carlyle, W. Parry, P. Campani and other authors. The memoirs of diplomats, travelers and merchants are considered as unique sources of the history of the state ceremony of the Russian late middle ages, filled with colorful details. As a striking cultural phenomenon, horseback riding trips are discussed, which at this time were the most solemn. The scope of trips, the most characteristic of the court culture of the period is defined. The study focuses at on the most solemn horse ceremonies: the visits of the Queen as well as on the pilgrimage family trips. Among them, the paper examines the obligatory annual visits to the Trinity Lavra of St. Sergius. The author analyzes the significance of other trips for the formation of sacred space in the Russian court culture, in particular, “shestviya na

oslyati” (The donkey walk) and the visit of “vodokreshchenniya” (Epiphany). In conclusion, we consider the specificity of ritual choice of the suit of animals according to the understanding in Russian culture the relationship of light and Holiness. Summing up the results of the work, according to which in Moscovia of the late middle ages the horse was a range of the means that intensively formed the sacral space.

Key words: Russian culture, sacral, ritual, ceremonial, Moscow state, history of a horse
